
Поѣздка графа Н. П. Игнатъева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г. ¹⁾.

(Съ примѣчаніями П. Д. Воейкова) ²⁾.

Нѣкоторые посланники, аккредитованные при дворахъ, которые мнѣ пришлось посѣтить, отнеслись къ моему пріѣзду съ самаго начала холодно и подозрительно, а графъ Шуваловъ не дождался даже моего отъѣзда изъ Петербурга, чтобы самымъ рѣшительнымъ образомъ выразить свое отрицательное отношеніе къ моей поѣздкѣ въ Лондонъ. Въ отвѣтъ на телеграмму канцлера, извѣщавшую его о рѣшеніи русскаго Императора, русскій посланникъ въ Лондонѣ отвѣтилъ нижеслѣдующей телеграммой:

„Лондонъ, 17/28 февраля. Ваше сіятельство также какъ и мой коллега, надѣюсь, считаете меня неспособнымъ руководствоваться личными побужденіями, когда дѣло идетъ о существенныхъ нашихъ интересахъ. Я передалъ содержаніе вашей телеграммы Салисбюри, который умоляетъ, чтобы Игнатъевъ не пріѣзжалъ въ настоящую минуту. Это вызвало бы внезапный поворотъ общественнаго мнѣнія въ Англии, оживило бы тайныя симпатіи къ туркамъ и увеличило бы затруднительное положеніе министерства (?) и Салисбюри; первый министръ отнесся бы къ намъ враждебно (!), его коллеги—недовѣрчивѣе, и послѣдствія этого сказались бы въ декабрѣ. Салисбюри хотѣлъ бы (?), чтобы я встрѣтился съ Игнатъевымъ на континентѣ и по возвращеніи передалъ бы ему объясненія Игнатъева“ ³⁾.

¹⁾ Въ мартовской книгѣ на стр. 491 четырнадцатая строка сверху вкралась опечатка, напечатано: „Айгунскаго“, а надлежитъ читать „Цеккинского“.

Ред.

²⁾ См. „Русская Старина“ мартъ 1914 г.

³⁾ Графъ Шуваловъ объявилъ маркизу Салисбюри о моемъ пріѣздѣ въ такихъ выраженіяхъ, что у него получилось впечатлѣніе, будто графъ

Эта телеграмма была получена въ Петербургѣ въ моментъ моего отъѣзда. Императорскій кабинетъ былъ до того озадаченъ ею, что въ Петербургѣ едва не отказались отъ мысли о моей дипломатической повѣздкѣ, о которой уже была оповѣщена вся Европа. Пожалуй, дѣйствительно было бы лучше отказаться отъ нея, нежели ставить русскаго посла въ двусмысленное положеніе, созданное тѣмъ воинственнымъ политическимъ теченіемъ, которое министерство иностранныхъ дѣлъ никогда не умѣло ни обуздать, ни направить какъ слѣдуетъ. Было ясно, что рѣшеніе вопроса зависѣло всецѣло отъ Лондона и что было совершенно бесполезно заинтересовывать прочіе кабинеты въ проектъ протокола, коль скоро онъ могъ быть отвергнутъ, и повторять такимъ образомъ исторію съ берлинскимъ протоколомъ.

Императоръ вызвалъ меня къ себѣ такъ, какъ я былъ, въ дорожномъ костюмѣ, сообщилъ мнѣ содержаніе телеграммы Шувалова, и въ отвѣтъ на мои слова, что, предоставляя себя всецѣло въ распоряженіе Его Величества, я отнюдь не имѣю особеннаго желанія подвергать себя непріятностямъ, которыя сулитъ мнѣ эта повѣзка, и что можетъ быть было бы лучше возложить это порученіе на кого-нибудь другого, напр. на Валуева или на самого Шувалова, императоръ приказалъ мнѣ ѣхать, разрѣшивъ однако испросить по телеграфу позволеніе отправиться въ Англію, если бы въ Парижѣ оказалось, что этого требуютъ обстоятельства. Я повиновался, но, ревностно исполняя возложенное на меня порученіе, я съ этой минуты уже не ожидалъ отъ него благопріятнаго результата, если не считать того, что императорскій кабинетъ могъ, такимъ образомъ, скорѣе отдѣлаться отъ циркуляра князя Горчакова.

Съ самаго моего пріѣзда въ Берлинъ для всѣхъ было ясно, что точка зрѣнія, которую отстаивалъ, въ своихъ личныхъ цѣляхъ, нашъ посолъ въ Лондонѣ, была ошибочна. При первомъ же свиданіи со мною, Бисмаркъ заявилъ, что ему извѣстно, „что я не ѣду въ Лондонъ, вслѣдствіе возраженій, сдѣлан-

во что бы то ни стало хотѣлъ помѣшать пріѣзду своего коллеги въ Англію; это говорила мнѣ въ Парижѣ маркиза, его супруга. Маркиза Салисбюри провела въ Парижѣ два дня вмѣстѣ со мной и моей женой, приглашала насъ отъ имени своего мужа въ Лондонъ и была съ нами въ высшей степени любезна. Что касается поворота въ общественномъ мнѣніи Англии, которымъ запугивалъ насъ гр. Шуваловъ, то это было бы для насъ все-же благопріятнѣе, нежели создавшееся тамъ настроеніе.

Прим. авт.

ныхъ Шуваловымъ; становясь на нашу точку зрѣнія, онъ очень сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ вся трудность вопроса заключалась въ положеніи, занятомъ англійскимъ кабинетомъ, а протоколъ не могъ бы быть подписанъ, если бы Биконсфильдъ и Салисбюри не изъявили на это своего согласія“.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ германскимъ канцлеромъ, Салисбюри вернулся изъ Константинополя какъ нельзя лучше настроенный по отношенію къ намъ и къ христіанамъ, но онъ скоро подмѣтилъ, что „теченіе, поддерживаемое Биконсфильдомъ“, имѣло несравнено болѣе вліянія на торійскую партію, нежели онъ предполагалъ; это открытіе заставило его измѣнить свой взглядъ и согласовать, въ интересахъ партіи, свои поступки и слова съ тѣмъ, что говорилъ первый министръ во избѣжаніе разногласій въ кабинетѣ.

Бисмаркъ понималъ, что мое появленіе поставило бы Салисбюри въ неловкое положеніе, такъ какъ ему пришлось бы вступить въ пререканія со своими коллегами, чтобы оправдать свою подпись подъ актами, выработанными на конференціи, а также нравственныя обязательства, принятыя имъ по отношенію ко мнѣ. Было ясно, что въ интересахъ нашей политики слѣдовало заставить Салисбюри поступить именно такъ, а не облегчать ему перемѣны, которой добивался Биконсфильдъ¹⁾. Со времени закрытія конференціи наша задача все болѣе и болѣе осложнялась.

¹⁾ Биконсфильдъ (Бенджаминъ Дизраэли, лордъ Beaconsfield, виконтъ Гугенденъ)—знаменитый англійскій государственный дѣятель и писатель, род. въ Лондонѣ въ 1804 г. Въ началѣ русско-турецкой распри Биконсфильдъ—былъ совершенно готовъ выступить въ пользу Турціи съ оружіемъ въ рукахъ. Но въ этомъ ему помѣшала могущественная оппозиція, организованная предводителемъ либераловъ Гладстономъ противъ англо-турецкаго союза. Тѣмъ не менѣе, своимъ угрожающимъ положеніемъ относительно Россіи и поданной Турціи тайной надеждой на поддержку Англии, онъ много содѣйствовалъ неуспѣху европейской конференціи въ Константинополѣ и началію военныхъ дѣйствій между Россіей и Турціей. По закрытіи сессіи 1876 г., чувствуя себя по преклонности лѣтъ неспособнымъ къ дальнѣйшему предводительству въ нижней палатѣ, Б. сложилъ съ себя эту обязанность и былъ возведенъ въ званіе виконта Гугенденъ и графа Б. Во все время войны онъ сохранилъ нейтралитетъ, не скрывая однако своихъ симпатій къ туркамъ. Когда же война окончилась въ пользу Россіи и турки обратились къ посредничеству Англии, онъ принялъ вызывающее положеніе, послалъ въ январѣ 1878 г. военный флотъ въ Дарданеллы и, по заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, многіе существенныя пункты котораго ему хотѣлось измѣнить, призвалъ къ оружію резервы и вызвалъ въ Мальту 7.000 индійскихъ войскъ (апр. 1878).

Обмѣнявшись со мною визитами и встрѣчаясь затѣмъ со мною въ обществѣ, англійскій посланникъ не разъ упрекалъ меня за то, что я не ѣхалъ въ Англію, и говорилъ съ сожалѣніемъ о впечатлѣніи, которое это „изъятіе“ произведетъ на общественное мнѣніе его страны. Онъ былъ увѣренъ, что мои личныя сношенія съ англійскими министрами не только не помѣшали бы успѣху соглашенія и заключенію мира, къ чему я видимо стремился, а, напротивъ, облегчили бы достиженіе желаемой цѣли и могли бы даже привести къ полному единодушію въ Восточномъ вопросѣ. На его незаслуженныя упреки, что я пренебрегаю интересами дѣла, въ которыхъ я совершенно ясно даю себѣ отчетъ, я отвѣтилъ, какъ я и писалъ о томъ князю Горчакову въ письмѣ отъ 22 февраля (6 марта), что первоначально я намѣревался проѣхать изъ Берлина въ Лондонъ, чтобы посоветоваться съ окулистомъ Либрейхомъ¹⁾, котораго мнѣ рекомендовалъ Одо Руссель, но такъ какъ, судя по свѣдѣніямъ, полученнымъ нами о настроеніи общественнаго мнѣнія въ Англіи, и принявъ во вниманіе, что мой пріѣздъ совпалъ бы съ преніями въ парламентѣ по Восточному вопросу, я полагаю, что мое присутствіе могло стѣснить министровъ и въ особенности Салисбюри, я счелъ долгомъ отказать пока отъ этой поѣздки. Одо Руссель оспаривалъ это предположеніе, какъ ни на чемъ ни основанное, и приводилъ доводы, противъ которыхъ ничего нельзя было возразить. Онъ не соглашался съ тѣмъ, что конференція была неудачна. Дипломаты и общественное мнѣніе Европы не знаютъ Турцію такою, какая она есть на самомъ дѣлѣ говорилъ онъ, и не вѣрятъ правдивости того, что утверждаетъ Россія, считая ее мнѣніе „пристрастнымъ“. Благодаря Константинопольской конференціи и многочисленнымъ документамъ, которые были предъявлены мною и переданы моимъ коллегамъ, истина выяснилась и отнынѣ кабинеты уже не могутъ игнорировать ее. Кромѣ того, благодаря личному знакомству великобританскихъ и русскихъ уполномоченныхъ, неожиданно содалась почва для взаимнаго пониманія. На мое замѣчаніе, что получалось впечатлѣніе, будто Порта „выставила Европу за двери“ и что если это пройдетъ безнаказанно, то

¹⁾ Чтобы не придавать моей поѣздкѣ особеннаго значенія, императорскимъ кабинетомъ было рѣшено, что я поѣду подъ предлогомъ посоветоваться съ извѣстными окулистами, а правительство, воспользовавшись этимъ, поручитъ мнѣ дать руководителямъ кабинетовъ нѣкоторыя объясненія, которыя могли облегчить рѣшеніе вопроса въ желательномъ для всѣхъ смыслѣ.

Аст.

турки осмѣлѣють и ринутся какъ безумные въ пропасть, считая себя всемогущими, посланникъ возразилъ, что державы боятся прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ изъ опасенія, что это можетъ повлечь за собою разгромъ оттоманской имперіи и никто не будетъ знать, чѣмъ ее замѣнить. Когда я упомянулъ объ автономіи христіанскихъ народностей, великобританскій посланникъ выразилъ сомнѣніе, чтобы она могла упрочиться и чтобы эти народности могли сохранить независимость по отношенію къ сосѣдямъ.

„Мы не прочь, чтобы оттоманская имперія продолжала существовать на Босфорѣ, но подѣ условіемъ, чтобы христіанское населеніе не было истреблено, чтобы оно могло жить по-человѣчески, подѣ управленіемъ турокъ“, сказалъ я посланнику, присовокупивъ, что, становясь на точку зрѣнія руссофобскихъ тенденцій, я не понимаю, какъ соперничающіе съ нами кабинеты не хотятъ содѣйствовать упроченію автономіи христіанскихъ народностей, которыя обладаютъ всѣми данными, чтобы образовать самобытную національную индивидуальность, и неизбежно займутъ со временемъ мѣсто турокъ на Балканскомъ полуостровѣ. Славянъ разъединяетъ ихъ узкое национальное соперничество, которое проявляется у нихъ несравненно сильнѣе, нежели у народовъ латинской и германской расы. Они не выказываютъ ни малѣйшаго стремленія къ объединенію, каждый народъ въ отдѣльности оберегаетъ свою независимость. Свойственный имъ, къ сожалѣнію, духъ соперничества и обособленности, который разъединяетъ зачастую даже членовъ одной семьи, гарантируетъ безопасность западной Европы; между тѣмъ она судитъ о стремленіяхъ славянъ по примѣру Италіи и Германіи, не принимая во вниманіе того, что характеръ, исторія и политическіе идеалы славянъ совершенно не сходны съ идеями, имѣющими преобладающее значеніе у германскихъ и латинскихъ народовъ.

Я горячо оспаривалъ въ своихъ бесѣдахъ съ великобританскимъ посланникомъ проектъ, который англійскій кабинетъ видимо намѣревался поддерживать, а именно, чтобы Портѣ дали годъ на проведеніе реформъ въ Болгаріи, Босніи и Герцоговинѣ; доказывалъ, напротивъ, что всѣмъ великимъ христіанскимъ державамъ необходимо держаться въ Турціи однообразнаго, энергичнаго образа дѣйствій, угрожая прибѣгнуть къ мѣрамъ понужденія, которыя могли спасти достоинство Европы, безнаказанно попираемое турками, и что это избавило бы насъ отъ необходимости самостоятельно вести войну, которой не желалъ ни

императоръ и ни одинъ изъ его представителей, но которая могла вскорѣ быть навязана намъ событіями и нашей обязанностью сказать покровительство христіанамъ-единовѣрцамъ, а также желаніемъ заключить, наконецъ, прочный миръ съ сосѣдней державой.

На другой день послѣ моего перваго разговора съ англійскимъ посланникомъ (т. е. 23 февраля), я услыхалъ изъ устъ князя Бисмарка подтвержденіе того, какое неблагопріятное впечатлѣніе произвело на представителей Англии исключеніе Лондона изъ моего маршрута, вызваннаго завистью графа Шувалова.

Англійскій посланникъ посѣтилъ канцлера съ цѣлью запросить его относительно его переговоровъ со мною и его дальнѣйшихъ намѣреній. Онъ не скрылъ отъ князя Бисмарка своей тревоги по поводу того, что бывшій посланникъ Россіи въ Константинополь выражалъ, какъ утверждали, нежеланіе посѣтить Англию; онъ видѣлъ въ этомъ „заднюю мысль и желаніе изолировать Великобританію“, заключивъ между пятью континентальными кабинетами соглашеніе, изъ коего была бы исключена Англія, которой принадлежала инициатива созыва конференціи.

По словамъ Бисмарка, онъ успокоилъ англійскаго посланника, ознакомивъ его съ содержаніемъ протокола (не сообщая ему однако полнаго его текста) и удостовѣривъ, что единственной цѣлью моихъ переговоровъ съ нимъ было поддержать въ Европѣ миръ и согласіе, начало коимъ было положено на Константинопольской конференціи. Кн. Бисмаркъ заявилъ англійскому посланнику, что Германія подпишетъ протоколъ безъ всякаго измѣненія и если, въ виду отсутствія единодушія, мы будемъ вынуждены обнажить мечъ, то Германія „дастъ намъ на это свое благословеніе“, какъ бы считая насъ, въ дѣлахъ Востока, совершенно свободными отъ узъ, налагаемыхъ соглашеніемъ съ державами. Англійскій посланникъ будто бы поблагодарилъ Бисмарка, сказавъ, что онъ снялъ съ него большую тяжесть, и выразилъ свое искреннее желаніе, чтобы его правительство не выставило серьезныхъ возраженій противъ намѣченнаго нами образа дѣйствій.

Вотъ что я писалъ по этому поводу канцлеру изъ Парижа 1/13 марта: „Я имѣлъ честь извѣстить ваше сіятельство телеграммой отъ 22 февраля/6 марта о моемъ разговорѣ съ лордомъ Одо Русселемъ, съ которымъ я встрѣтился въ день моего пріѣзда въ Берлинъ и съ которымъ видѣлся съ тѣхъ поръ ежедневно.

Англійскій посланникъ, которому цѣль моего путешествія видимо была отчасти извѣстна, спросилъ меня съ первыхъ же словъ, съ оттѣнкомъ нѣкотораго раздраженія, почему я избѣгаю поѣздки въ Лондонъ. Онъ видѣлъ въ этомъ желаніе изолировать Англию. Я поспѣшилъ мотивировать свой маршрутъ извѣстной деликатностью по отношенію къ англійскому министерству, котораго мое присутствіе въ данный моментъ могло стѣснить и даже поставить въ неловкое положеніе. Лордъ О. Руссель нѣсколько разъ горячо оспаривалъ эту точку зрѣнія, настаивая на томъ, что мнѣ было бы полезно повидаться съ лордомъ Дерби¹⁾ и съ лордомъ Биконсфильдомъ и что словесныя объясненія и разъясненія, которыя я могъ бы дать государственнымъ дѣятелямъ Англии, произвели бы чрезвычайно благоприятное впечатлѣніе на общественное мнѣніе страны. Не довольствуясь разговоромъ со мною, посланникъ запросилъ по этому поводу германскаго канцлера. Князь Бисмаркъ постарался разсѣять его опасенія и познакомилъ его съ содержаніемъ проекта протокола, которымъ онъ, по видимому, былъ удовлетворенъ. Судя по всему, посланникъ видимо желаетъ, чтобы его правительство присоединилось къ протоколу“.

Въ то время какъ эти переговоры происходили сперва въ Берлинѣ, а затѣмъ въ Парижѣ, гр. Шуваловъ обсуждалъ, по своему собственному почину, съ лордомъ Дерби, въ Лондонѣ, вопросъ о демобилизаціи русской и турецкой армій и о редакціи протокола, опираясь на министерскій проектъ, посланный ему одновременно съ извѣщеніемъ о моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга. Онъ рѣшилъ помѣшать успѣшному ходу моихъ переговоровъ и умалить въ главахъ императорскаго правительства результаты, которые могли быть мною достигнуты, перенеся

¹⁾ *Дерби* (Эдуардъ-Генри-Смитъ-Станли Earl of Derby)—англ. государственный дѣятель (1826—1893). Въ февралѣ 1868 г. онъ занялъ постъ министранностранныхъ дѣлъ. Этотъ же постъ онъ получилъ и въ новомъ консервативномъ кабинетѣ Дизраэли (1874 г.). Послѣдующіе годы были главною эпохою политической дѣятельности Д., который проявилъ большое миролюбіе и самостоятельность политическихъ убѣжденій. Во время русско-турецкой войны 1877—78 г. онъ усиленно противодѣйствовалъ воинственнымъ замысламъ Биконсфильда, настаивая на томъ, что правительство не должно вмѣшиваться въ борьбу Россіи съ Турціей, пока не затронуты англійскіе интересы. Когда въ январѣ 1878 г. англійскому флоту предписано было отправиться въ Дарданеллы, Д. подалъ въ отставку, но взялъ ее обратно въ виду отмены этого распоряженія. Послѣ заключенія Санъ-Стефанскаго договора Биконсфильдъ принялъ рѣшеніе немедленно созвать резервы; но Д. призналъ эту мѣру преждевременной и 28 марта 1878 г. вышелъ въ отставку. П. В.

центр тяжести переговоровъ въ Лондонѣ, откуда онъ хотѣлъ руководить нашей политикой по своему усмотрѣнію, путемъ устрашенія. Съ этой цѣлью онъ телеграфировалъ князю Горчакову 28 февраля/12 марта: „По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Берлина, русская армія не будетъ демобилизована ¹⁾. Эти намеки вредятъ (его, Игнатъева) переговорамъ. Разрѣшаете ли мнѣ сказать, что армія будетъ демобилизована послѣ подписанія протокола и ежели Турція распуститъ свои войска. Англіи было бы немислимо подписать протоколъ, коимъ Портѣ предлагалось бы увести ея армію и разоружить ее, если бы Россія сохранила въ то же время угрожающее положеніе“. Изъ этого видно, что русскій посланникъ въ Лондонѣ сталъ, съ самаго начала, на ложный путь и приносилъ достоинство Россіи въ жертву требованіямъ, которыя обусловливались парламентарнымъ стремь Англіи.

Онъ долженъ бы былъ понять, что ежели Англія не могла подписать протоколъ, которымъ Порта ставилась въ низшее положеніе по сравненію съ нами, то Россіи морально было невозможно встать въ равныя условія съ Турціей въ вопросѣ, который затрогивалъ ея военную честь, и пожертвовать христіанами, отдавъ ихъ на добрую волю пашей. Такъ какъ по этому поводу нельзя было притти въ соглашенію, то лучше было устранить вопросъ о демобилизаціи, что я и предпочелъ сдѣлать.

Во время моего пятидневнаго пребыванія въ Берлинѣ я находился постоянно въ сношеніяхъ съ лицами, стоявшими во главѣ посольствъ, аккредитованныхъ при Германскомъ дворѣ. Я говорилъ съ ними одинаково твердымъ миролюбивымъ и лояльнымъ языкомъ, но рѣшилъ обсудить вопросъ по существу съ самими руководителями кабинетовъ, не сообщая представителямъ державъ текста протокола. Болѣе обстоятельно я счелъ долгомъ высказаться только одному итальянскому посланнику въ виду того, что путешествіе въ Римъ, которое было мнѣ не по пути, могло не состояться, а мнѣ хотѣлось быть увѣреннымъ, что протоколъ будетъ принятъ Италіей. Графъ де Лона, предупрежденный своимъ петербургскимъ коллегой о томъ, что „генералу Игнатъеву поручено повліять на кабинеты въ

¹⁾ Находя, что было бы унижительно и несогласно съ достоинствомъ Россіи допустить обсужденіе кабинетами вопроса о демобилизаціи русской арміи, я отказался, разумѣется, дать кому бы то ни было малѣйшее обѣщаніе на этотъ счетъ и даже совершенно уклонился отъ обсуждения этого вопроса.

Прим. авт.

смыслѣ принятія ими русской точки зрѣнія на вопросъ“, успѣшилъ переговорить со мною.

Такъ какъ для насъ было весьма важно, чтобы итальянскій кабинетъ не былъ возстановленъ англійскими инсинуаціями противъ нашего проекта, и чтобы итальянскій посланникъ во Франціи получилъ своевременно разрѣшеніе обсудить со мною этотъ вопросъ, то я намѣтилъ въ бесѣдѣ съ графомъ де Лона, въ общихъ чертахъ, каковъ, по нашему мнѣнію, долженъ бы быть отвѣтъ кабинетовъ на циркуляръ князя Горчакова и какой текстъ протокола могъ бы быть подписанъ державами, чтобы завершить достойнымъ образомъ переговоры, происходившіе между ними по дѣламъ Востока.

Два дня спустя, итальянскій посланникъ увѣрилъ меня, что генералъ Чіальдини придетъ по этому вопросу со мною къ соглашенію и что хотя Римскій кабинетъ предпочелъ бы, чтобы я пріѣхалъ для личныхъ объясненій, но онъ не будетъ мнѣ помѣхою къ достиженію общаго соглашенія.

Изъ чувства собственнаго достоинства и изъ осторожности я избѣгалъ, во время моей поѣздки, посѣщать представителей Оттоманскаго правительства; но эти господа, по большей части лично мнѣ знакомые, не упустили случая побывать у меня и обмѣняться со мною мыслями. Повѣренный въ дѣлахъ Турціи, Турханъ-бей, первый просилъ позволенія дать Портѣ „дружескій совѣтъ“, какъ ей „выйти изъ настоящаго затрудненія“. Я отвѣтилъ ему то же, что говорилъ прочимъ турецкимъ дипломатамъ, съ коими я видѣлся во время моей поѣздки, а именно, что „если Порта хочетъ избѣжать конфликта, то она должна послѣшить дать ¹⁾ объясненія по существу, которыя могли бы ослабить натянутое положеніе“.

Во время моего пребыванія въ Берлинѣ случилось два второстепенныхъ обстоятельства, которыя едва не создали мнѣ новыхъ затрудненій: одно изъ нихъ произошло изъ за недоразумѣній съ телеграммами и изъ-за чрезмѣрнаго желанія князя Горчакова приписать себѣ всю заслугу переговоровъ, дѣлая за счетъ другихъ и даже въ ущербъ дѣламъ Россіи видъ, что онъ поступаетъ умно и осторожно.

Канцлеръ, считая меня человѣкомъ готовымъ итти всегда напроломъ, ищущимъ всегда ссоры, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ, въ чемъ онъ успѣлъ убѣдить и петербургскіе салоны, вообразилъ, что я подалъ Бисмарку мысль, которая

¹⁾ Петербургскому кабинету.

была излюбленной темой самого князя Горчакова лѣтомъ 1876 г. и даже вплоть до самой конференціи, а именно—вовлечь на Россію выполненіе въ Турціи совмѣстнаго рѣшенія европейскихъ державъ и что я обсуждалъ съ германскимъ канцлеромъ вопросъ о послабленіяхъ, которыя могли быть сдѣланы Портѣ. Въ то же время князь Горчаковъ вообразилъ, что разрывъ между Франціей и Германіей былъ неизбѣженъ, и поспѣшилъ поэтому отправить въ Берлинъ нижеслѣдующія двѣ телеграммы отъ 22 числа:

I. „Не слѣдовало бы возвращаться къ мысли дѣйствовать по полномочию; въ особенности не слѣдуетъ настаивать на этомъ; Это имѣло бы для насъ тѣ неудобства, коихъ мы хотимъ избѣжать добиваясь миролюбиваго рѣшенія вопроса.“

II. Сожалѣли бы о разрывѣ Германіи съ Франціей, но никогда не подавали этой послѣдней надежды на какую-либо поддержку и не подадимъ ее впредь. Увѣрьте въ этомъ Бисмарка самымъ настоятельнымъ образомъ и сошлитесь на лояльность нашего Августѣйшаго монарха. Желательно было бы знать болѣе опредѣленно, какія именно военныя и финансовыя льготы Германія согласилась бы предоставить намъ. При тяготящихся надъ нами громадныхъ издержкахъ, нельзя рассчитывать на то, что мы пойдемъ навстрѣчу Портѣ. Если ей нужны денежныя средства для ускоренія обѣщанныхъ реформъ, она должна искать ихъ въ разоруженіи, въ особенности въ роспускѣ редифовъ. Ее разоряетъ и парализуетъ ея силы ея теперешнее военное положеніе“.

Такими общими мѣстами, передаваемыми по телеграфу, князь Горчаковъ воевалъ (какъ это часто съ нимъ случалось) съ вѣтранными мельницами. Желая прекратить эти волненія канцлера я въ тотъ же день (22 февраля) (6 марта) поспѣшилъ отвѣтить: „Между мною и Бисмаркомъ не было и рѣчи о какихъ-либо льготахъ для Порты ¹⁾. Бисмаркъ упомянулъ лишь о льготахъ дипломатическаго и военнаго характера, совмѣстимыхъ съ благожелательнымъ нейтралитетомъ, который Германія будетъ соблюдать по отношенію къ намъ, въ случаѣ нашей войны съ Турціей. (Очевидно, вопросъ объ этихъ льго-

¹⁾ Князь Горчаковъ очевидно перепуталъ разговоры, которые Шуваловъ велъ въ то время съ Дерби относительно льготъ и отсрочекъ, которыя могли быть даны Портѣ, съ обмѣномъ мыслей, происходившимъ между Бисмаркомъ и мною, практическое осуществленіе которыхъ зависѣло отъ дальнѣйшихъ требованій Петербурга и размѣры коихъ не могли быть опредѣлены заранее въ Берлинѣ.

Прим. авт.

тахъ долженъ бы быть поднятъ нами въ случаѣ надобности и въ зависимости отъ обстоятельствъ, единственными судьями которыхъ оставались императоръ и его правительство).

„Бисмарку уже указано на необходимость разоруженія Турціи и роспуска редифовъ. Что касается вмѣшательства въ дѣла Турціи по полномочію державъ, то объ этомъ говорилось лишь въ смыслѣ матеріальнаго воздѣйствія, которое кабинеты сочли бы можетъ быть нужнымъ произвести на Порту, если бы было доказано, что она не сдержала своихъ обязательствъ въ отношеніи христіанъ“.

Разъяснивъ такимъ образомъ недоразумѣніе, которое, какъ мнѣ казалось, было вызвано умышленно, я объяснилъ кн. Бисмарку, какъ желалъ канцлеръ, смыслъ того мѣста телеграммы, гдѣ говорилось о возможности столкновенія между Франціей и Германіей.

Второе обстоятельство случилось въ день моей аудіенціи у императора Вильгельма. Заѣхавъ къ канцлеру съ цѣлью самымъ честнымъ образомъ передать ему то, что говорилось на этой аудіенціи, я былъ задѣтъ раздраженнымъ тономъ, какимъ германскій канцлеръ говорилъ со мною объ Убри и о просьбѣ, съ какой русскій посланникъ, аккредитованный въ Берлинѣ, обратился, вопреки установившемуся обычаю, *непосредственно* къ дежурному адъютанту Его Величества, чтобы исходатайствовать мнѣ аудіенцію. Это возбудило, видимо, подозрительность Бисмарка, и онъ, кажется, вообразилъ, что въ Петербургѣ хотѣли вести переговоры непосредственно съ самимъ императоромъ, помимо его канцлера.

По этому поводу онъ высказалъ свою досаду на дворцовыя вліянія (вліяніе императрицы, нѣкоторыхъ придворныхъ чиновъ и французскаго посланника Гутто Бирона). Я выслушалъ его спокойно и съ достоинствомъ, давъ улечься вспышкѣ его гнѣва, и когда раздраженный канцлеръ умолкъ, я въ краткихъ словахъ возстановилъ истину, объяснивъ, что я не повиненъ въ этихъ недоразумѣніяхъ. Кончивъ, я всталъ, сказавъ канцлеру, что пріѣду лучше другой разъ, чтобы продолжать прерванный разговоръ, такъ какъ я вижу, что нервы моего собесѣдника въ данный моментъ слишкомъ разстроены и возбуждены. Князь Бисмаркъ устремилъ на меня испытующій взглядъ, выразившій величайшее изумленіе: видимо съ нимъ говорили непривычнымъ для него языкомъ; затѣмъ, какъ истый джентльменъ, онъ овладѣлъ собою и съ прежней любезностью сталъ горячо настаивать на томъ, чтобы я пробылъ у него еще добрыхъ съ полчаса.

Достойно вниманія, что во время этой гнѣвной выходки Бисмаркъ ясно далъ понять, что Убри не внушалъ ему довѣрія со времени его образа дѣйствій „въ 1866 и 1870 г.г.“, что онъ не можетъ „быть съ нимъ откровененъ и не можетъ обсуждать важныхъ вопросовъ такъ, какъ онъ бы того хотѣлъ“, что баронъ Жомини, „правая рука Горчакова“, внушаетъ ему сильныя подозрѣнія и онъ считаетъ его „человѣкомъ, изъ котораго французы могутъ вить веревки“. Никогда еще канцлеръ не былъ со мною такъ любезенъ и откровененъ, какъ послѣ этой вспышки, которой онъ какъ будто стыдился. Бесѣда закончилась для меня самымъ удовлетворительнымъ образомъ: князь Бисмаркъ своей откровенностью какъ будто хотѣлъ загладить странное впечатлѣніе, которое должна была произвести его гнѣвная выходка на собесѣдника, который ему доказалъ, что онъ не изъ тѣхъ, кого можно запугать или кому можно наступить на ногу.

Пріѣхавъ въ Парижъ, я остановился въ hôtel du Rhin. Графъ Шуваловъ пріѣхалъ раньше меня и уже успѣлъ повидаться съ герцогомъ Деказомъ ¹⁾.

Я посвятилъ своихъ коллегъ, князя Орлова и графа Шувалова, съ полной откровенностью въ мельчайшія подробности положенія дѣлъ на Востокѣ, настроенія императорскаго кабинета и переговоровъ, только-что происходившихъ въ Берлинѣ. Гр. Шуваловъ на другой же день уѣхалъ обратно.

Въ Парижѣ я имѣлъ частыя свиданія съ герцогомъ Деказомъ и со своими бывшими коллегами по конференціи, графомъ Шодорди и барономъ де Бургоэнъ. Объясняя положеніе дѣлъ французскимъ дипломатамъ, президенту республики, его министрамъ и Тьеру, я настаивалъ въ особенности на выгодахъ, которыя Франція могла извлечь, воспользовавшись случаемъ обезпечить при ея посредствѣ европейскій миръ; между прочимъ я указалъ, что въ интересахъ республики было настаи-

¹⁾ Деказь (Луи, герцогъ Decazes 1819—86 г.). При Людовикѣ-Филиппѣ Д. былъ полномочнымъ министромъ въ Мадридѣ и Лиссабонѣ. Послѣ революціи 1848 г. онъ сталъ вліятельнымъ членомъ орлеанистской партіи. Послѣ переворота 4 сентября 1870 г. Д. началъ снова принимать активное участіе въ политикѣ; въ качествѣ депутата деп. Жиронды онъ боролся въ національномъ собраніи противъ Тьера, за реставрацію монархіи. Въ министерствѣ герцога де-Брольи Д. сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ и въ теченіе 1874—77 г. держался осторожной политики выжиданія и уступокъ въ отношеніяхъ къ Германіи и въ восточномъ вопросѣ.

вать на томъ, чтобы державы подписали какъ можно скорѣе протоколъ, чтобы поддержать общее согласіе и чтобы восточныя дѣла сохранили характеръ вопроса, въ которомъ были одинаково заинтересованы всѣ европейскія державы.

Признавая „необходимость дать Россіи удовлетвореніе со стороны Европы“, герцогъ Деказъ сдѣлалъ все-таки свои замѣчанія на редакцію протокола, которую онъ находилъ все-таки слишкомъ категорической; онъ совѣтовалъ мнѣ „быть сговорчивѣе“ относительно подробностей, указалъ на затрудненія, которыя могли возникнуть со стороны Англии, и хвалилъ „умѣренность Шувалова, который ясно давалъ себѣ въ этомъ отчетъ“. Два дня спустя, Деказъ сообщилъ мнѣ проектъ протокола, измененный въ смыслѣ сдѣланныхъ имъ замѣчаній, утверждая, что онъ ближе къ мыслямъ, высказаннымъ Дерби, хотя въ немъ приняты во вниманіе и наши требованія, и что онъ скорѣе обезпечить возможность притти къ соглашенію. Не отвергая, во что бы то ни стало, этихъ поправокъ, я все-таки просилъ передать министру иностранныхъ дѣлъ, что въ случаѣ принятія его контръ-проекта, дипломатическій актъ, о которомъ шла рѣчь, потеряетъ всякое значеніе, такъ какъ отсутствіе реальныхъ обязательствъ со стороны Порты затуманивалось фразами, которыя ничего не значатъ на Востокѣ; и что, сообщивъ кабинетамъ первоначальный проектъ протокола, я уже не могъ, ни въ какомъ случаѣ, принять иного проекта, такъ сильно отличающагося отъ первоначальнаго. Полагая однако, что французскій текстъ могъ еще стать предметомъ обсужденія, ежели бы представителемъ Франціи были сдѣланы для этого какіе-либо шаги при другихъ дворахъ, и желая со своей стороны способствовать соглашенію между державами, чего въ Парижѣ особенно желали, я изложилъ князю Горчакову содержаніе этого контръ-проекта въ моемъ письмѣ отъ 3/15 марта.

Видя, что его редакція не имѣла успѣха, что она не могла быть принята Россіей и не могла удовлетворить нашего общественнаго мнѣнія, герцогъ Деказъ пытался уговорить меня принять вмѣсто протокола тождественные отвѣты державъ на циркулярную ноту князя Горчакова.

Само собою разумѣется, я настаивалъ на необходимости протокола, какъ дипломатическаго акта, который связалъ бы всѣхъ подписавшихъ его и наложилъ бы на нихъ болѣе серьезныя обязательства, нежели простая депеша или декларация. Мы не были обезпечены на счетъ того, что эти тождественные отвѣты не будутъ сопровождаться какими-нибудь соображеніями

и комментаріями, по нашему мнѣнію не подходящими, противъ которыхъ мы не успѣли бы пожалуй принять необходимыхъ мѣръ.

Подъ вліяніемъ полученныхъ въ то время тревожныхъ извѣстій о непосредственныхъ переговорахъ, происходившихъ между Турціей и Черногоріей относительно заключенія мира и слуховъ о неудовольствіи графа Андраши ¹⁾ по поводу того, что ему пришлось согласиться на конференціи на черезъ-чуръ большое увеличеніе Черногоріи, герцогъ Деказъ убѣждалъ меня, что лучше было бы не давать Черногоріи всѣхъ земель, присужденныхъ ей по настоянію русскаго посла въ Константинополь. Я не согласился съ доводами министра и отстаивалъ планъ, намѣченный конференціей, доказывая его преимущество и пользу съ точки зрѣнія обезпеченія мира въ будущемъ.

Я остался вполне доволенъ своими личными и дѣловыми

¹⁾ Андраши (Юлій, графъ) — венгерскій государственный дѣятель, второй изъ трехъ сыновей графа Карла Андраши, род. 8 марта 1823 г. въ Землинѣ, по окончаніи курса въ университетѣ и по возвращеніи изъ путешествія за границу былъ избранъ Землинскимъ комитетомъ въ депутаты пресбургскаго сейма 1847—48 г.г.; по выходѣ въ отставку графа Бейста, назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора. Съ самаго начала франко-прусской войны 1870—1871 г.г. А. выступилъ поборникомъ строгаго нейтралитета Австро-Венгріи, и поэтому дѣятельность его какъ министра иностранныхъ дѣлъ ознаменовалась главнымъ образомъ стараніемъ поддержать дружественныя отношенія съ Германіей. Въ сентябрѣ 1872 г. А. присутствовалъ съ Бисмаркомъ и Горчаковымъ на свиданіи трехъ императоровъ въ Берлинѣ; въ 1874 г. сопровождалъ императора Франца-Иосифа въ Петербургъ, въ 1875 г. въ Венецію, гдѣ Францъ-Иосифъ имѣлъ свиданіе съ Викторомъ-Эммануиломъ, и въ 1876 г. на свиданіи съ Императоромъ Александромъ въ Рейхштадтѣ. Возстаніе въ Босніи и Герцоговинѣ побудило А. обратиться съ нотою къ Портѣ по вопросу о христіанахъ, бѣжавшихъ изъ этихъ странъ, которая и была вручена Портѣ 31 января 1876 г. Во время войны Турціи съ Сербіей и Герцоговиной и затѣмъ съ Россіей (1876—78), А. руководилъ иностранной политикой въ смыслѣ соблюденія нейтралитета Австро-Венгріи. Но Санъ-Стефанскій договоръ (1878) очень устрасилъ Австрію, и начались интриги. А. получилъ отъ австро-венгерскихъ делегацій военный кредитъ въ размѣрѣ 60 мил. флор. и по его старанію Санъ-Стефанскій договоръ былъ подвергнутъ обсужденію представителей европейскихъ державъ, на конгрессѣ, созванномъ въ Берлинѣ (1878). А. вмѣстѣ съ Калицемъ (Calice) и Гаймерлемъ, въ качествѣ главнаго уполномоченнаго Австріи, добился того, что великія державы предписали ей занять Боснію и Герцоговину, куда австрійскія войска и вступили въ іюль мѣсяцѣ. Съ занятіемъ Новобазарскаго санджака оккупационный планъ А. былъ еще болѣе расширенъ. 22 сентября 1879 г. А. оставилъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, завершивъ свою дѣятельность на этомъ поприщѣ заключеніемъ съ Бисмаркомъ австро-германскаго оборонительнаго союза. И. В.

сношеніями съ герцогомъ Деказомъ и объяснялъ его попытки внести въ протоколъ извѣстныя поправки, исключительно его страстнымъ желаніемъ достигнуть окончательнаго соглашенія между державами и послужить связующимъ звеномъ между Россіей и Англійей. Всѣ заявленія, сдѣланныя французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ турецкимъ уполномоченнымъ и дипломатическому корпусу, были безупречны: онъ говорилъ съ повѣреннымъ въ дѣлахъ Турціи и съ Ваханъ-Эффенди ¹⁾, бывшимъ въ тотъ моментъ въ Парижѣ, куда онъ былъ посланъ великимъ визиремъ Эдхемъ-пашею съ тайной миссіей, яснымъ и энергичнымъ языкомъ, дѣятельно старался о томъ, чтобы восторжествовала наша точка зрѣнія на протоколъ, давалъ въ этомъ смыслѣ инструкціи французскимъ посланникамъ въ Лондонѣ и Вѣнѣ и въ томъ же духѣ вліялъ на крупныхъ представителей финансоваго міра, съ которыми онъ былъ постоянно въ сношеніи. Но я цѣнилъ болѣе всего то, что несмотря на дурной примѣръ, поданный лордомъ Дерби и графомъ Шуваловымъ, которые вели отдѣльно переговоры относительно щекотливаго вопроса о нашей демобилизаціи, что было извѣстно герцогу Деказу, онъ былъ настолько тактиченъ, что даже не коснулся этого вопроса въ разговорѣ со мною.

Прочіе члены французскаго кабинета и нѣкоторые видные представители финансоваго міра распространяли въ салонахъ слухи объ англо-турецкихъ требованіяхъ. Это дѣлалось ими вполне корректно, тѣмъ не менѣе я прекратилъ всѣ подобнаго рода попытки, отвѣчая на нихъ неизмѣнно, что вопросъ о демобилизаціи по моему мнѣнію вопросъ праздный, посягающій на достоинство и прямоту Россіи, ибо „очевидно, что если бы Россія хотѣла войны, то императорскій кабинетъ не предлагалъ бы державамъ заключить миролюбивое соглашеніе. Простой здравый смыслъ говорить, что, достигнувъ этого соглашенія, мы не рассчитываемъ держать армию на военномъ положеніи и захотимъ избавиться отъ значительныхъ расходовъ, которые станутъ нужны“.

Бесѣдуя объ этомъ вопросѣ, я самымъ категорическимъ образомъ избѣгалъ проводить какую бы то ни было связь между

¹⁾ Армяно-грегоріанскаго исповѣданія, помощникъ секретаря министерства юстиціи въ Константинополѣ, былъ посланъ въ Европу яко бы для ознакомленія съ организаціей магистратуры, которая была введена въ Турціи по точному образцу французской системы, съ одной лишь разницей — что турками не былъ понятъ ея нравственный смыслъ.

Прим. авт.

протоколомъ и нашимъ разоруженіемъ. Что касалось турокъ, дѣло обстояло иначе и я настаивалъ на томъ, что они отлично могли распустить редифы, созванные изъ разныхъ провинцій, нынѣ почти опустѣвшихъ, такъ какъ все здоровое мужское населеніе ушло, чтобы стать подъ знамена. Распустивъ этихъ милиціонеровъ по домамъ, турки имѣли бы еще достаточное количество войскъ для несенія внутренней службы, что и было предусмотрено нашимъ проектомъ протокола.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

